

РАЗРУШЕНИЕ ГОРНЫХ ПОРОД

УДК 550.34; 622.83

ОБ ИНИЦИИРОВАНИИ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ ПРИ ПОДЗЕМНОЙ ОТРАБОТКЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

Г. Г. Кочарян, А. М. Будков, С. Б. Кишкина

*Институт динамики геосфер РАН, E-mail: geospheres@idg.chph.ras.ru,
Ленинский проспект, 38, корп. 1, 119334, г. Москва, Россия*

Рассмотрено влияние горных выработок, расположенных вблизи разломов, на возможность возникновения крупных сейсмических событий. Численным моделированием подтверждено, что объем подземных выработок при шахтных работах оказывает влияние на эффективную жесткость массива и на возможность инициирования динамических подвижек, сопровождаемых интенсивным сейсмическим излучением. При возрастании степени нарушенности массива величина эффективного модуля сдвига падает. Расчеты для камер, расположенных только в одном горизонте, показывают снижение эффективного модуля сдвига на 20 %, для камер на двух горизонтах он снижается примерно в 1.5 раза, а для трех горизонтов падает практически вдвое. Показано, что такое снижение эффективной сдвиговой жесткости массива может оказаться критическим с точки зрения возникновения динамической подвижки по разлому.

Индукцированная сейсмичность, техногенные землетрясения, горные выработки, мониторинг, эффективная жесткость массива, разломные зоны, кулоновское напряжение, моделирование

DOI: 10.15372/FTPRPI20180405

Проведение крупномасштабных горных работ обуславливает разнообразные формы техногенной сейсмичности, среди которых особняком стоят сильные землетрясения с магнитудой $M \geq 2.8-3.0$ [1]. Для их обозначения используют различные наименования — горно-тектонический удар, техногенное, техногенно-тектоническое, природно-техногенное землетрясения, подразумевая антропогенную причину их возникновения при естественном источнике энергии деформации [2–7]. Очаговые области этих событий представляют собой подвижки по разломам и крупным тектоническим трещинам [8, 9]. В отличие от слабой сейсмичности, приуроченной непосредственно к фронту горных работ, источники сильных событий ($E_s > 10^9$ Дж) могут располагаться на большом удалении от шахты или карьера. Гипоцентры природно-техногенных событий порой находятся на значительной глубине 5–10 км [1, 4]. При этом они могут происходить со значительной задержкой по отношению к активно проводящимся работам [10].

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-17-00095) и РФФИ (проект № 16-05-00694).

В качестве причины техногенного инициирования тектонических землетрясений рассматривается изменение напряженно-деформированного состояния массива в результате ведения горных работ [1–7, 11], хотя упоминаются и такие эффекты, как изменение проницаемости техногенно нарушенных участков и разломных зон; непосредственное влияние сейсмических колебаний от проводимых взрывных работ, накопление малых деформаций и др. [1, 4, 12].

Чаще всего сильные динамические события с излученной энергией выше 10^{10} Дж, связанные с горными работами, происходят при подземной отработке месторождений полезных ископаемых. Эта проблема весьма остро стоит на многих рудниках и шахтах мира.

Проявления горного давления, обусловленные локальными концентрациями напряжений в окрестности горных выработок, такие как шелушение, стрельание, выброс породы в выработку, горные удары, изучены достаточно хорошо [7, 11–14]. В инженерной практике известны методы борьбы с этими явлениями [4, 5]. В большинстве случаев горные удары сопровождаются излучением сейсмических колебаний, но их магнитуда редко превышает $M \sim 3$. Считают, что такие события непосредственно связаны с ведением горных работ [15, 16].

Площадные динамические явления, к которым относят техногенные землетрясения и горно-тектонические удары [17], сопровождаются интенсивным сейсмическим эффектом. Известно несколько сейсмических событий с магнитудой более 4.5. Хотя прогноз и предотвращение этих явлений представляют собой проблему, сопоставимую по сложности с прогнозом природных землетрясений, подходы к решению этой задачи постепенно развиваются [18, 19]. Очаговые области техногенных динамических явлений расположены не так глубоко, как у многих природных землетрясений. Поскольку эти события связаны с горными работами, есть надежда проследить причинно-следственные связи в процессе их подготовки и зарождения и попытаться установить параметры, которые могут использоваться для мониторинга.

В настоящей работе проанализировано влияние изменения эффективных упругих характеристик массива вследствие подземной отработки месторождений на возможность инициирования динамических подвижек по разломам, сопровождаемых интенсивным сейсмическим излучением.

УСЛОВИЯ ИНИЦИИРОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ СДВИГОВОГО ТИПА

Обязательным условием возникновения скольжения по разлому является достижение в локальной области уровня напряжений τ , касательных к плоскости разлома, превышающих текущую величину прочности контакта τ_p :

$$\tau \geq \tau_p. \quad (1)$$

Заметим, что характерные значения этой прочности до сих пор обсуждаются. Низкие по некоторым данным значения тектонических напряжений в окрестности очагов землетрясений иногда называют парадоксом напряжений [20]. Подчеркнем, что текущее значение прочности может оказаться заметно ниже предельной кулоновской прочности. Примером может служить инициирование скольжения низкоамплитудной вибрацией [21].

Другое необходимое условие — разупрочнение области скольжения с ростом скорости v и/или амплитуды D перемещения бортов:

$$\frac{\partial \tau}{\partial v} < 0, \quad \frac{\partial \tau}{\partial D} < 0. \quad (2)$$

Если прочность контакта не будет снижаться в процессе сдвига, то режим динамического скольжения реализоваться не сможет.

Наконец, третье условие: скорость снижения во вмещающем массиве напряжений, касательных к плоскости скольжения (жесткость массива K), должна быть ниже, чем скорость снижения сопротивления сдвигу (максимум модуля жесткости разлома k_s на участке спадающей ветви реологической кривой):

$$|k_s| = \left| \frac{\partial \tau}{\partial D} \right| \geq K = \eta \frac{G}{\hat{L}}, \quad (3)$$

где G — модуль сдвига вмещающего массива; $\eta \sim 1$ — коэффициент формы [21]; $\hat{L}$ — характерный размер, связанный с магнитудой землетрясения.

Смысл соотношений (1)–(3) покажем на схеме, приведенной на рис. 1. После достижения уровнем напряжений текущей прочности контакта (на рис. 1 τ_p соответствует максимуму реологической кривой $\tau(D)$, хотя это не обязательно) прочность участка разлома начинает снижаться с ростом относительного перемещения и его скорости. Если условие (3) выполняется (сплошная линия на рис. 1), то возникает динамическая неустойчивость и энергия излучается из системы. Величина излученной энергии в этом примере соответствует площади, заключенной между реологической кривой 1 и линией разгрузки 2 вмещающего массива. В случае, когда условие (3) не выполняется (рис. 1, штриховая линия), динамическое скольжение и, соответственно, излучение энергии невозможны.

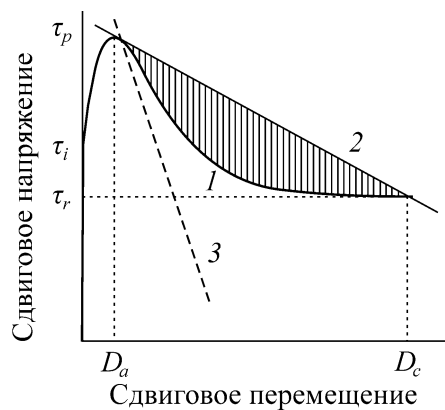

Рис. 1. Схема возникновения скольжения по разлому: 1 — реологическая зависимость “напряжение – перемещение” для разлома; 2, 3 — линии разгрузки вмещающего массива в процессе относительного перемещения берегов; сплошная линия — скорость разгрузки массива ниже, чем скорость снижения сопротивления сдвигу по разлому

Как видно из соотношения (3), стабильный в течение длительного времени разлом может потерять устойчивость в том случае, если жесткость вмещающего массива снизится. Этот эффект можно продемонстрировать на результатах лабораторных экспериментов, в которых изучалось прерывистое скольжение блока горной породы по тонкому слою зернистого материала. Блок, прижатый к основанию силой нормального давления F_n , двигался под действием приложенного через пружину жесткостью k_m возрастающего с постоянной скоростью сдвигового усилия. Описание установки и методики проведения экспериментов приведено в [22].

Зависимость максимальной скорости блока в процессе скольжения от жесткости пружины представлена на рис. 2. На врезке показана упрощенная схема проведения эксперимента. В окрестности критического значения жесткости нагружения ($k_m \sim 2000$ Н/мм для слоя квар-

цевого песка и $k_m \sim 100$ Н/мм для смеси песка с глиной) происходят эпизоды медленного скольжения, низкочастотные и очень низкочастотные события, при которых излученная энергия весьма мала. Однако уже при снижении жесткости пружины (аналог жесткости массива в натуральных условиях) в 2–3 раза скорость скольжения быстро возрастает, достигая величины, характерной для нормальных лабораторных землетрясений.

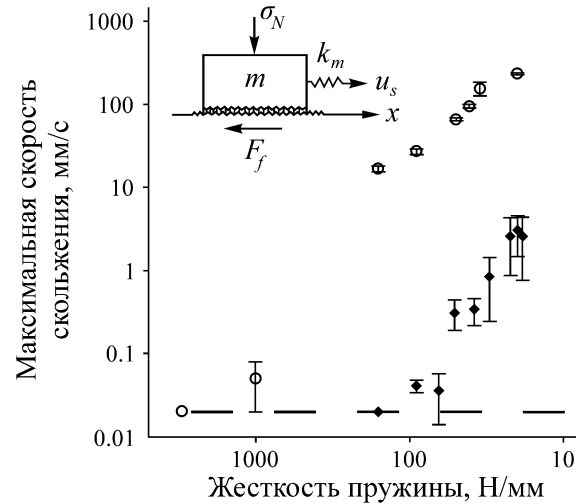

Рис. 2. Зависимость максимальной скорости скольжения блока в процессе динамической подвижки от жесткости пружины. На врезке — упрощенная схема эксперимента. Светлые значки — заполнитель кварцевый песок; темные значки — смесь кварцевого песка с глиной (5 % по массе). Каждый значок — среднее значение по многим подвижкам. Вертикальные отрезки — среднеквадратичное отклонение. Штриховая линия — скорость протяжки

ГОРНО-ТЕКТОНИЧЕСКИЕ УДАРЫ И ТЕХНОГЕННО-ТЕКТОНИЧЕСКИЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

При рассмотрении проблемы инициирования динамических событий принято сопоставлять величину изменения естественного поля напряжений в результате проходки выработок с прочностью породы [11, 23, 24]. Такой подход справедлив для оценки опасности возникновения локальных разрушений. Из сейсмологических данных известно, что в напряженном массиве для инициирования динамической подвижки по разлому достаточно изменения напряжений касательных к плоскости разлома на величину $\Delta\sigma_c \sim 0.1-0.3$ МПа [25].

Анализ параметров сейсмических колебаний, регистрируемых при крупных землетрясениях, вызванных горными работами на рудниках и шахтах, позволяет заключить, что часть событий описывается классической моделью очага в виде двойной пары сил, тогда как для некоторых событий более подходящими являются другие модели, связанные с отрывным разрушением и обрушением кровли выработок, а также с разрушением целиков. У восстановленного тензора сейсмического момента событий второго типа оказывается существенной изотропная составляющая. Для них характерны высокие значения магнитуды M_s по сравнению с m_b и аномальные знаки вступлений [26]. Такие землетрясения чаще встречаются в регионах, считающихся асейсмичными, тогда как события сдвигового типа типичны для регионов, проявляющих природную сейсмичность.

В [27] предлагается различать горно-тектонические удары и техногенные землетрясения, полагая, что очаги первых расположены непосредственно в горных выработках, а вторых — в массиве за пределами выработок. При таком подходе очаг событий, идентифицированных

как горно-тектонические удары, ассоциируется лишь с зоной интенсивных повреждений, зарегистрированных в горных выработках. По результатам обследований ряда объектов после крупных динамических событий в [28] предложено соотношение, связывающее характерный размер очага горно-тектонического удара L с величиной излученной сейсмической энергии E_s :

$$\lg E_s = 3.26L + 8.3. \tag{4}$$

Данная зависимость находится в противоречии с представлениями о соотношении между характерным размером очага и излучаемой при землетрясении энергией, существующими в сейсмологии, и прежде всего с законом подобия, согласно которому $L \sim E^{1/3}$ [29].

Соотношение (4) приведено на рис. 3. Жирной сплошной линией обозначен диапазон данных, для которого построена эта эмпирическая зависимость. Здесь же показано полученное в [21] соотношение для землетрясений:

$$L \approx 0.3E_s^{1/3}. \tag{5}$$

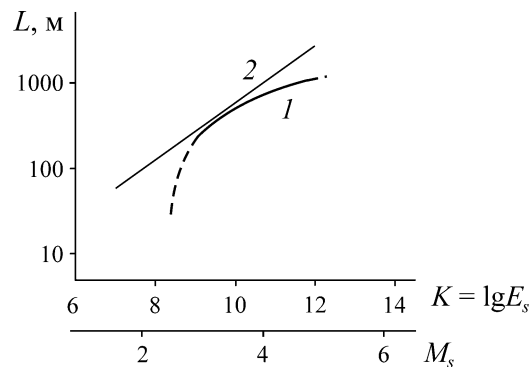

Рис. 3. Соотношение между характерным размером очага и энергетическим классом события: 1 — зависимость (4); 2 — зависимость (5). Жирная линия — диапазон данных эмпирической зависимости (4), штриховая — экстраполяция (1)

Видно, что соотношения (4) и (5) сопоставимы лишь в узком диапазоне магнитуд сейсмических событий $M_s \sim 3.0-3.5$. Попытка экстраполяции в диапазон более слабых или более сильных землетрясений демонстрирует резкое расхождение с данными сейсмологических наблюдений. Это может свидетельствовать о том, что во многих случаях разрушения горных выработок являются не столько источником сейсмических волн, сколько следствием землетрясения. Массовое разрушение горных выработок и целиков на значительной площади может быть связано непосредственно с подвижкой по разлому или быть следствием динамического воздействия сейсмических волн. Как известно, амплитуда массовой скорости колебаний грунта вблизи очага составляет величину от десятков сантиметров до нескольких метров в секунду [21]. Такие скорости колебаний грунта приводят к тяжелым повреждениям подземных выработок [30].

Магнитуда сильнейших природно-техногенных землетрясений, связанных с подземными работами на территории России, достигает 4.7–5.1. В соответствии с (5) размеры источника таких событий составляют 2300–3800 м, что значительно превышает глубину расположения выработок и сопоставимо с горизонтальными размерами всего шахтного поля крупного рудника. Разделение событий больших магнитуд ($M > 3.5$) на горно-тектонические удары и тектони-

ческие землетрясения представляется довольно искусственным. Наиболее вероятно, что крупные события в напряженных массивах связаны именно с подвижкой по существующему в массиве активному разлому. Под активным разломом следует понимать тектоническое нарушение с признаками постоянных или периодических перемещений бортов разлома в течение первых десятков тысяч лет, считая от современности [31]. Так, при землетрясении $M=4.3-4.8$ 16.04.1989 г. в Хибинах подвижка произошла по разлому С-З простирания со средним углом падения 35° , представленному жилой эгирина, мощностью 15–25 см, а при землетрясении 2004 г. с $M \sim 2.2$ на глубоком руднике Южной Африки смещение отмечалось почти исключительно вдоль четырех существовавших ранее сегментов древней разломной зоны [9].

ВЛИЯНИЕ ГОРНЫХ РАБОТ НА УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗЛОМА

Разветвленная сеть выработок в окрестности тектонического разлома может оказать заметное влияние на эффективную жесткость массива, а следовательно, и на возможность возникновения динамических подвижек. С целью оценки этого эффекта проведено численное моделирование процесса сдвигового деформирования скального блока с выработками. Расчеты проводились при помощи двумерного программного комплекса, разработанного на основе лагранжева численного метода “Тензор” [33]. Задача решалась в плоской постановке. Рассмотрен упругий блок (плотность $\rho = 2.7 \text{ г/см}^3$, модуль объемного сжатия $K = 28 \text{ ГПа}$, модуль сдвига $G = 11.435 \text{ ГПа}$, скорость продольных волн $a_0 = 4000 \text{ м/с}$) с размерами $H = 600 \text{ м}$, $L = 780 \text{ м}$.

Характерные размеры задачи, согласно зависимости (5), соответствуют объему, в котором запасается упругая энергия землетрясения с магнитудой 3.0–3.5. Схема постановки расчета приведена на рис. 4. Правая часть блока жестко закреплена, а на левой грани задается линейно нарастающее со временем сдвиговое напряжение. Скорость нарастания сдвигового напряжения выбиралась так, чтобы обеспечить режим деформирования блока, близкий к квазистатическому. Это значение определялось на основе предварительной серии расчетов.

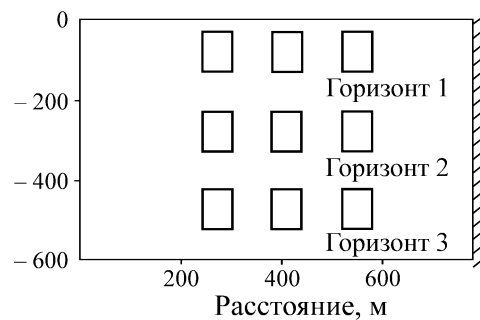

Рис. 4. Схема расчета

Вначале проводились расчеты для монолитного блока. На рис. 5 значками показана зависимость “приложенное сдвиговое напряжение – сдвиговая деформация”. Относительная деформация рассчитывалась как отношение перемещения верхнего левого угла блока к ширине блока $\varepsilon = W_r / H$. Наилучшее приближение результатов расчетов линейной функцией дает значение эффективного модуля сдвига:

$$G_{eff} = \frac{\tau_s}{\varepsilon}. \quad (6)$$

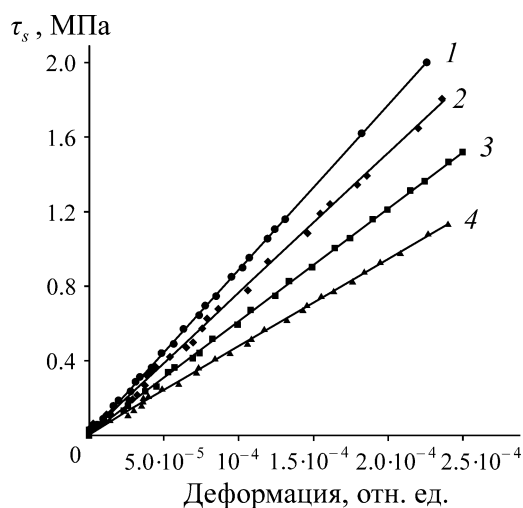

Рис. 5. Зависимость “сдвиговое напряжение – сдвиговая деформация” для монолитного блока (1) и для блоков с 1, 2 и 3 рядами выработок (соответственно линии 2, 3, 4). Значки — результаты расчета, прямые — наилучшее приближение линейной функцией

Оценка по (6) с использованием результатов численного расчета для монолитного блока (рис. 3) дает величину $G_{eff} = 8.84$ ГПа (линейная регрессия с коэффициентом корреляции $R = 0.996$), т. е. на $\sim 20\%$ меньше модуля сдвига материала. Это является следствием того, что предположение о равномерном распределении сдвиговых напряжений для блока конечных размеров не выполняется. Можно говорить только о некотором эффективном сдвиговом модуле массива G_{eff} — коэффициенте пропорциональности между напряжениями и деформациями.

Для оценки влияния пройденных выработок на величину эффективного модуля массива, а следовательно, и на жесткость массива, используемую в критерии возникновения неустойчивости, выполнены расчеты с незаполненными и заполненными отверстиями в упругом блоке. Длина и высота одного отверстия составляли соответственно 100 и 60 м, что равнялось размерам рабочих камер шахты АО “КМАруда” [34]. Расстояние между выработками принималось 100 м. В основной серии выполнялись расчеты с одним (вариант соответствует актуальной ситуации на шахте “КМАруда”), двумя (проектируемый вариант на шахте “КМАруда”) и тремя (гипотетический вариант) горизонтами выработок. Расстояние между горизонтами 80 м. Схема расположения выработок приведена на рис. 4, а результаты расчета зависимостей $\tau_s(\varepsilon)$ — на рис. 5.

Как и следовало ожидать, величина эффективного модуля сдвига тем меньше, чем больше степень нарушенности массива. Для одного горизонта выработок значение G_{eff} снижается примерно на 20%, для двух — в 1.5 раза. Для трех горизонтов эффективный модуль массива падает почти вдвое. Такое снижение может оказаться критическим с точки зрения инициирования динамической подвижки по разлому.

Несмотря на то что геометрия массива с горными выработками далека от модели пористой среды, результаты численного расчета в определенном диапазоне параметров с неплохой точностью совпадают с результатом оценки эффективного модуля среды по соотношениям так называемой модели критической пористости А. Нура [35], согласно которой модуль сдвига сухой пористой среды G_{eff} определяется следующим образом:

$$\frac{G_{eff}}{G_s} = \left(1 - \frac{\phi}{\phi_{кр}} \right)^b, \quad \phi < \phi_{кр}, \quad (7)$$

где G_s — модуль сдвига сплошного массива; ϕ — эффективная пористость среды; $\phi_{кр}$ — критическое значение пористости — относительный объем пустот, при котором материал теряет связанность; b — параметр, определяемый эмпирически.

Зависимость (7) при $b=1$ и $\phi_{кр} = 0.244$ представлена на рис. 6 штриховой линией. Там же значками показаны результаты численных расчетов. Значения эффективного модуля сдвига в каждом варианте расчета нормированы на значение для сплошного массива. Кроме того, приведены результаты расчета дополнительных вариантов с 4, 5 и 6 рядами выработок. Отмечено, что при больших относительных величинах площади выработок зависимость отклоняется от соотношения (7).

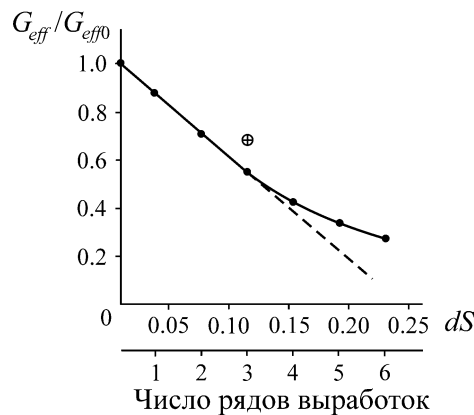

Рис. 6. Зависимость относительного эффективного модуля сдвига участка массива с выработками от доли площади, занятой незаполненными отверстиями

В случае закладки камер разрушенной породой с модулем упругости $E = 5$ ГПа и коэффициентом Пуассона $\nu = 0.32$ (кружок на рис. 6) снижение модуля заметно меньше и даже при трех горизонтах составляет только 34 %, что существенно снижает вероятность возникновения неустойчивости по сравнению с массивом, содержащим незаполненные выработки.

Помимо рассмотренного влияния сети горных выработок на эффективную жесткость массива, может наблюдаться иницирующий эффект изменения кулоновских напряжений на плоскости разлома, который будет рассмотрен в следующей работе.

ВЫВОДЫ

Крупные сейсмические события с излученной энергией выше 10^{10} Дж, инициированные горными работами, связаны с динамической подвижкой по существующему в массиве активному разлому. При этом условия возникновения скольжения включают в себя как достижение соответствующего уровня напряжений, так и определенные соотношения между механическими свойствами разлома и вмещающего массива горных пород.

Разветвленная сеть выработок в окрестности тектонического разлома оказывает заметное влияние на эффективную жесткость массива и на возможность возникновения динамических подвижек. Согласно результатам лабораторных экспериментов, примерно двукратное снижение эффективной жесткости массива приводит к возникновению динамической неустойчивости активного разлома.

Простейшая оценка эффективной сдвиговой жесткости массива, содержащего выработки, может быть выполнена с использованием соотношений модели критической пористости. Закладка камер разрушенной породой существенно снижает вероятность возникновения динамической неустойчивости.

Поскольку подземная отработка месторождений меняет эффективные упругие свойства породного массива в непосредственной окрестности активного разлома, вполне вероятно, что при отсутствии антропогенного вмешательства накопленная энергия деформирования реализовалась бы не через динамическую подвижку (землетрясение), а иным способом, например путем медленного крипа или так называемых событий медленного скольжения без излучения интенсивных сейсмических колебаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адушкин В. В. Тектонические землетрясения техногенного происхождения // Физика Земли. — 2016. — № 2. — С. 22–44.
2. Ловчиков А. В. Сильнейшие горно-тектонические удары и техногенные землетрясения на рудниках России // ФТПРПИ. — 2013. — № 4. — С. 68–73.
3. Назаров Л. А., Назарова Л. А., Ярославцев А. Ф., Мирошниченко Н. А., Васильева Е. В. Эволюция полей напряжений и техногенная сейсмичность при отработке месторождений полезных ископаемых // ФТПРПИ. — 2011. — № 6. — С. 6–13.
4. Адушкин В. В. Развитие техногенно-тектонической сейсмичности в Кузбассе // Геология и геофизика. — 2018. — Т. 59. — № 5. — С. 709–724.
5. Сейсмичность при горных работах / под ред. Н. Н. Мельникова. — Апатиты: КНЦ РАН, 2002. — 325 с.
6. Курленя М. В., Еременко А. А., Шрепп Б. В. Геомеханические проблемы разработки железорудных месторождений Сибири. — Новосибирск: Наука, 2011. — 184 с.
7. Шемякин Е. И., Курленя М. В., Кулаков Г. И. К вопросу классификации горных ударов // ФТПРПИ. — 1986. — № 5. — С. 3–11.
8. Кочарян Г. Г. Геомеханика разломов. — М.: Геос, 2016. — 424 с.
9. Heesakkers V., Murphy S., Lockner D. A., and Reches Z. Earthquake rupture at focal depth, Part II: Mechanics of the 2004 M 2.2 Earthquake Along the Pretorius Fault, TauTona mine, South Africa, 2011, Vol. 168. — P. 2427–2449.
10. Snelling P., Godin L., and McKinnon S. The role of geologic structure and stress in triggering remote seismicity in Creighton Mine, Sudbury, Canada, Int. J. of Rock Mech. & Mining Sciences, 2013, Vol. 58. — P. 166–179.
11. Турчанинов И. А., Марков Г. А., Иванов В. И., Козырев А. А. Тектонические напряжения и устойчивость горных выработок. — Л.: Наука, 1978. — 256 с.
12. Курленя М. В., Еременко А. А., Башков В. И. Влияние взрывных работ на сейсмические и динамические явления при подземной разработке рудных удароопасных месторождений Сибири // Горн. журн. — 2015. — № 8. — С. 69–71.
13. Прогноз и предотвращение горных ударов на рудниках / под ред. И. М. Петухова, А. М. Ильина, К. Н. Трубецкого. — М.: АГН, 1997. — 376 с.
14. Еременко А. А., Серяков В. М., Гахова Л. Н. Геомеханическое обоснование параметров и способа создания демферного слоя в окрестности выработки для снижения уровня горного давления // ФТПРПИ. — 2014. — № 4. — С. 61–70.
15. Gibowicz S. J. and Kijko A. An introduction to mining seismology, San Diego, Academic Press Inc., 1994. — 400 p.

16. **Knoll P. and Kuht W.** Seismological and technical investigations of the mechanics of rock bursts, Proc. of the 2nd Symposium on Rockburst and Seismicity in Mines, Minneapolis, 1988, ed. C. Fairhurst, Balkema, Rotterdam, 1990. — P. 129–138.
17. **Маловичко А. А., Завьялов А. Д., Козырев А. А.** Горные удары / Монография в 6 т.: под общей редакцией В. И. Осипова, С. К. Шойгу. Т. 2 Сейсмические опасности. — М.: Крук, 2000. — С. 243–293
18. **Томилини Н. Г., Воинов К. А.** Контроль состояния породного массива на основе анализа вариации временных интервалов между сейсмическими событиями // Методические основы контроля состояния природного массива и прогноза динамических явлений. — М., 1994. — С. 7–24.
19. **Дягилев Р. А.** Сейсмологический прогноз на рудниках и шахтах Западного Урала: дис. ... канд. физ.-мат. наук. — М., 2002. — 180 с.
20. **Родкин М. В., Рундквист Д. В.** Геофлюидодинамика. Приложение к сейсмологии, тектонике, процессам рудо- и нефтегенеза. — Долгопрудный: ИД “Интеллект”, 2017. — 288 с.
21. **Кочарян Г. Г.** Геомеханика разломов. — М.: Геос, 2016. — 424 с.
22. **Кочарян Г. Г., Остапчук А. А., Мартынов В. С.** Изменение режима деформирования разлома в результате инъекции флюида // ФТПРПИ. — 2017. — № 2. — С. 20–28.
23. **Ловчиков А. В., Савченко С. Н.** Оценка и последствия изменений напряженного состояния массива при затоплении рудника “Умбозеро” // ГИАБ. — 2014. — № 11. — С. 213–222.
24. **Ловчиков А. В., Савченко С. Н.** Напряженное состояние горных пород вблизи очистных выработок на руднике “Карнасурт” // Вестн. Мурманского ГТУ. — 2013. — Т. 16. — № 4. — С. 741–747.
25. **King G. C. P., Stein R. S., and Lin Jian** Static stress changes and the triggering of earthquakes, Bulletin Seismological Society of America, 1994, 84 (3). — P. 935–953.
26. **McGarr A.** Moment tensors of ten Witwatersrand mine tremors, Pure and Applied Geophysics, 1992, Vol. 139. — P. 781–800.
27. **Ловчиков А. В.** Сильнейшие горно-тектонические удары и техногенные землетрясения на рудниках России // ФТПРПИ. — 2013. — № 4. — С. 68–73.
28. **Ловчиков А. В.** Оценка геодинамической опасности месторождений по энергии сейсмических проявлений в рудниках // Горн. журн. — 2004. — № 10. — С. 43–47.
29. **Садовский М. А., Болховитинов Л. Г., Писаренко В. Ф.** Деформирование геофизической среды и сейсмический процесс. — М.: Наука, 1987. — 100 с.
30. **Кочарян Г. Г., Спивак А. А.** Динамика деформирования блочных массивов горных пород. — М.: ИКЦ “Академкнига”, 2003. — 423 с.
31. **Кожурин А. И., Пономарева В. В., Пинегина Т. К.** Активная разломная тектоника юга Центральной Камчатки // Вестн. КРАУНЦ. Науки о Земле. — 2008. — Вып. 12. — № 2. — С. 10–27.
32. **Сырников Н. М., Тряпицын В. М.** О механизме техногенного землетрясения в Хибинах // ДАН СССР. — 1990. — Т. 314. — № 4. — С. 830–833.
33. **Архипов В. Н., Борисов В. А., Будков А. М.** Механическое действие ядерного взрыва. — М.: Физматлит, 2003. — 550 с.
34. **Кочарян Г. Г., Золотухин С. Р., Калинин Э. В., Панасьян Л. Л., Спунгин В. Г.** Напряженно-деформированное состояние массива горных пород Коробковского железорудного месторождения на участке зоны тектонических нарушений // ФТПРПИ. — 2018. — № 1. — С. 16–24.
35. **Nur A., Mavko G., Dvorkin J., and Galmudi D.** Critical porosity: A key to relating physical properties to porosity in rocks, The Leading Edge, 1998, 17 (3). — P. 357–362.

Поступила в редакцию 22/VI 2018